

УНИВЕРСИТЕТЫ АМЕРИКИ: ПОЧЕМУ ОНИ ТЕРПЯТ ПОРАЖЕНИЕ?¹

Статья поступила
в редакцию в марте
2012 г.

Н.Ш. Райли. Комната отдыха университетских преподавателей и другие причины, почему вы не получите то образование, за которое заплатили².

Б. Гинсберг. Упадок университетских преподавателей: расцвет администраций, и почему это важно³.

Дж. Карабель. Избранные: тайная история зачисления и исключения из Гарварда, Йеля и Принстона⁴.

К. Ньюфилд. Отменить госуниверситеты: наступление на средний класс на протяжении уже сорока лет⁵.

У.Дж. Боуэн, М.М. Чингос, М.С. Макферсон. За финишной чертой: как закончить колледж при государственном университете в Америке⁶.

Р. Арум, Дж. Рокса. Дрейфующие в науке: границы образования в пределах университетских кампусов⁷.

Э. Кронман. Конец образования: почему наши колледжи и университеты отказались от поиска смысла жизни⁸.

¹ Anthony Grafton. Our universities: Why are they failing? // The New York Review of Books. 2011. November 24 (пер. с англ. Н. Микшиной) http://www.nybooks.com/articles/archives/2011/nov/24/our-universities-why-are-they-failing/?utm_medium=email&utm_campaign=November+24+2011+issue&utm_content=November+24+2011+issue+CID_a6226e131f9165195e0602b4a8a2b14a&utm_source=Email+marketing+software&utm_term=Our+Universities+Why+Are+They+Failing

² Naomi Schaefer Riley. The faculty lounges: And other reasons why you won't get the college education you paid for. Ivan R. Dee.

³ Benjamin Ginsberg. The fall of the faculty: The rise of the all-administrative university and why it matters. Oxford University Press.

⁴ Jerome Karabel. The chosen: The hidden history of admission and exclusion at Harvard, Yale, and Princeton. Mariner.

⁵ Christopher Newfield. Unmaking the public university: The forty-year assault on the middle class. Harvard University Press.

⁶ William G. Bowen, Matthew M. Chingos, Michael S. McPherson. Crossing the finish line: Completing college at America's public universities. Princeton University Press.

⁷ Richard Arum, Josipa Roksa. Academically adrift: Limited learning on college campuses. University of Chicago Press.

⁸ Anthony T. Kronman. Education's end: Why our colleges and universities have given up on the meaning of life. Yale University Press.

*Н. Фолбр. Спасение госуниверситетов: почему необходимо упорядочить систему государственного высшего образования*⁹.

Многие американские университеты занимают верхние строчки в различных мировых рейтингах, и хотя в основном эти рейтинги не более чем развлечение для административных работников и выпускников вузов, кое о чем они все-таки говорят. Ряд американских университетов предлагает своим преподавателям такие зарплаты, такие условия работы, лаборатории и библиотеки, что с ними мало кто может сравниться. Не только на сотрудников, но и на студентов бакалавриата и магистратуры американцы тратят больше, чем их коллеги за океаном. По европейским или азиатским стандартам плата за обучение в этих вузах огромна, но в последние годы они многое сделали для того, чтобы привлечь и выходцев из небогатых семей, предоставляя более щедрую помощь студентам бакалавриата и полностью оплачивая обучение всех докторантов. На каждом уровне системы увлеченные профессора заражают студентов своим энтузиазмом по поводу чего угодно — структуры кристалла или структуры стихотворения.

Тем не менее американские университеты вызывают и резкую критику, часто со стороны преподавателей и журналистов, которые хорошо знают их изнутри, и эта критика небезосновательна. У каждой медали есть обратная сторона, каждой добродетели соответствует какой-нибудь порок, и почти в каждом университете существуют свои застарелые проблемы. Профессора самых престижных медицинских вузов публикуют под своими именами статьи рекламщиков фармацевтических компаний. Во многих государственных университетах и нередко в частных главные футбольные и баскетбольные тренеры получают миллионы, а их помощники — сотни тысяч долларов за подготовку полупрофессиональных команд. Лишь несколько таких команд приносят спонсирующим их университетам деньги, сопоставимые с затратами на них, а в некоторых командах игроков нещадно эксплуатируют.

В частных колледжах и университетах с конкурсным отбором председатели приемных комиссий резервируют места в каждой группе для детей выпускников и потенциальных спонсоров, для спортсменов, многие из которых извлекают значительно меньше пользы из предлагаемых им академических возможностей, чем их одноклассники, и просто для тех, кто в состоянии оплатить обучение. В университетах, заявляющих, что делают ставку на бакалавриат, слишком многие профессора ограничиваются тем, что дважды в неделю прогоняют презентации в PowerPoint, а индивидуальное обучение поручают магистрантам, получающим в разы меньше, и докторам наук, работающим по краткосрочным контрактам, и те из кожи вон лезут, чтобы передать студентам азы

⁹ Nancy Folbre. Saving State U: Why we must fix public higher education. New Press.

литературного мастерства и математического анализа, зарабатывая при этом всего пару тысяч долларов за курс.

Оценить качество обучения в американских колледжах и университетах непросто. В стране сейчас почти пять тысяч университетов и колледжей, как двухгодичных, так и четырехгодичных. Студентов в них миллионы, из них примерно 40% — в возрасте от 18 до 24 лет, а подавляющее большинство старше. Высшее образование представлено как тенистыми Олимпами частных вузов по типу Лиги плюща и внушительными дворами государственных университетов, так и муниципальными колледжами, работающими по двенадцать часов в сутки и окруженными огромными, всегда переполненными автостоянками. Высшее образование — оно разное: частное и государственное, массовое и элитное, консервативное, заросшее плющом, и современное, передовое. На этой громадной и пестрой сцене нет места обобщениям.

Книги об американских университетах — многие, а может быть, и большинство — можно отнести к одной из двух категорий. Первая — это горестные сетования, которые чуть ли не еженедельно раздаются со страниц печати. Эта категория объединяет такие разные по своим отправным точкам книги, как «Комната отдыха университетских преподавателей» (2011) — острая критика профессоров, написанная выдающейся журналисткой Наоми Шэфер Райли, и «Упадок университетских преподавателей» (2011) — атака на администрации, предпринятая авторитетным политологом Бенджамином Гинсбергом. Вместо того чтобы анализировать такие сложные сообщества, как университеты, с разных точек зрения, оба автора сосредоточили все внимание на некой группе злокозненных негодяев. Вместо подробного описания конкретных вузов, которое могло бы дать ощущение ритма и организации университетской жизни, они нагромождают истории, взятые из газет, журналов и с веб-сайтов; описывают индивидуальный опыт, часто вопиющий, так, как если бы это было общее правило, и без устали мусолят байки, и так уже сильно потрепанные в предыдущих полемических работах.

Но даже несмотря на это, не все их стрелы летят мимо цели. Райли рассказывает, приводя множество фактов, как невесело приходится временным и случайным преподавателям, работающим в вузах по контракту. Гинсберг справедливо отмечает, что количество административных и других штатных сотрудников вузов увеличивается намного быстрее, чем количество преподавателей, и это приводит к повышению сумм, выплачиваемых студентами и их семьями за обучение, но никак не способствует повышению его качества. Однако когда Райли называет ненужными все исследования разом на том основании, что так считает кое-кто из старших преподавателей, или когда Гинсберг высказывается за увольнение всех административных работников, потому что они дармоеды, которых волнует только очередная бессмысленная

конференция на Гавайях, — они кидаются в другую крайность. Читать это забавно, но делу, увы, не помогает.

И есть иная категория книг. Основательно подготовленные, предлагающие обширный материал и порой украшенные десятками таблиц, которые для непосвященных выглядят как криптограммы, сочинения вроде «Избранных» (2005) Джерома Карабеля, «Отменить госуниверситеты» (2008) Кристофера Ньюфилда, «За финишной чертой» (2009) Уильяма Боуэна, Мэттью Чингоса и Майкла Макферсона и «Дрейфующие в науке» (2011) Ричарда Арума и Джосипы Роксы рассматривают отдельные аспекты системы. Они вскрывают неприглядный мир постыдных фактов и недопустимых методов, применяемых изо дня в день, мир, не имеющий ничего общего с глянцевой картинкой, которую создает рекламная шумиха вокруг мировых университетских рейтингов.

В книге «Дрейфующие в науке» Арум и Рокса рисуют жуткую картину того, во что превратился университетский учебный план. Основные данные, на которые опираются авторы, — это результаты, которые показали 2322 студента, принявшие участие в Оценке знаний учащихся колледжей, стандартизированном тесте, предложенном студентам в течение их первого семестра в университете и еще раз в конце второго года обучения. Этот тест не предполагает выбора из нескольких вариантов ответа, для его выполнения необходимо прочесть некоторое количество текстов по определенной проблеме в области бизнеса или политики и написать письмо чиновнику с советом, как ее разрешить. Дополнительный материал получен из Национального исследования распределения времени студентов и самопроверки знаний и умений студентов, в которой ежегодно участвуют миллионы молодых людей, а также из недавних полевых исследований студенческой жизни.

Результаты исследования действуют отрезвляюще. Оценка знаний учащихся колледжей показала, что около 45% студентов в выборке за первые два года обучения фактически никак не продвинулись в отношении умения критически мыслить, строить сложные суждения и излагать свои мысли в письменном виде. Анализ их академического опыта позволяет понять, почему так происходит. Студенты сообщили, что в среднем посвящают учебе 12 часов в неделю, в то время как в 1961 г. это были 25 часов в неделю, а в 1981 г. — 20. Половина студентов в выборке отказывались от курса, если в предыдущем семестре по нему требовалось написать работу объемом более 20 страниц, а треть отказывались от курса, если по нему нужно читать не меньше 40 страниц в неделю.

Естественно, результаты несколько различаются. В каждом вузе, где проводились тесты, — от исследовательских университетов до маленьких колледжей — отдельные студенты показали высокий уровень знаний, и отдельные программы, как выяснилось, больше способствовали усвоению знаний, чем другие. Однако в целом очевидными представляются два вывода. Во-первых,

традиционные предметы и методы сохраняют свою учебную ценность. В настоящее время общеобразовательные предметы привлекают намного меньше учащихся, чем двумя поколениями ранее. Но те, кто специализируется в этих областях — гуманитарные и общественные науки, естественные науки и математика, — показали результаты лучше, чем те, кто выбрал бизнес, коммуникации и другие новые специализации практической направленности в колледжах свободных искусств. И в то время как по всей стране модернизируют библиотеки и учебные аудитории ради модного совместного обучения, студенты, посвящающие больше времени самостоятельной работе, обошли тех, кто в основном работал в командах.

Во-вторых, и это еще печальнее, огромное множество студентов приходят в университет, не испытывая особого интереса к своим учебным курсам и не представляя, как они могут подготовить их к будущей профессиональной деятельности. Все, чего они хотят, пишут Арум и Рокса, — это разыграть «культурные сценарии студенческой жизни, как она изображается в массовом кино вроде „Зверинца“ (1978) и „Вана Уайлдера, короля вечеринок“ (2002)». Научная работа отнюдь не занимает центральное место в их представлениях об учебе в университете. Даже студенты элитного Калифорнийского университета сообщили, что в среднем проводят «12 часов [в неделю], общаясь с друзьями, 11 часов за компьютером, сидя на развлекательных сайтах, шесть часов смотрят телевизор, шесть часов занимаются спортом, пять часов отводят на хобби» и 13 часов в неделю уделяют учебе.

В итоге для большинства из них университет — это не знания и умения, а документ об образовании, диплом, означающий возможность устроиться на работу. Те, кто учится много, зачастую — хотя, к счастью, не всегда — происходят из высокообразованных семей и поступают в колледжи и университеты с высоким конкурсным отбором. Они уже принадлежат к экономической и культурной элите. Наша великая демократическая система университетского образования превратилась в оплот социальной стабильности — в разрозненное общество, многие члены которого живут бездумно, научаются немногому и возвращаются в экономический и социальный класс, определенный им по рождению.

В Великобритании, как рассказал на страницах нашего издания Саймон Хэд, преподаватели вузов должны стремиться к техническим нормам производительности, вызывающим всеобщее возмущение¹⁰. Но для студентов бакалавриата нынешняя система со сторонними экзаменаторами является гарантом справедливости, соблюдения стандартов учебных программ даже в том случае, если большинство студентов отстающие, и предоставления возможностей для самых способных на каждом уровне системы. Американское высшее образование не имеет адекватной системы

¹⁰ Хэд С. Мрачная угроза высшему образованию Великобритании (Simon Head. The grim threat to British universities // The New York Review. 2011. January 13).

оценки, и возможности, предоставляемые на каждом уровне, зависят от великодушия и увлеченности отдельных людей.

За последние несколько десятилетий университеты во многих отношениях реорганизовались, что способствовало формированию студенческой жизни в ее современном виде. Профессора теперь считают своим законным правом направлять усилия преимущественно на исследования, особенно в области естественных и общественных наук. Сделав открытие, в качестве награды они получают освобождение от работы со студентами. Даже те, кто, как говорится, не открывает Америку, проводят как можно больше времени в лаборатории или библиотеке. Преподаванием все больше и больше занимаются не профессора со стажем и штатные преподаватели, а магистранты и временные сотрудники.

Деканы вовсе не хотели идти на такие меры, их принудили к этому бюджетные ограничения. Но на деле оказывается, что эти ограничения не помешали им пригласить на работу и продолжить сотрудничество со звездными академиками, которые получают большие зарплаты и проводят дорогостоящие исследования. Глубокого мыслителя намного легче склонить к переезду во второкурсный колледж, где он будет размышлять вслух перед кучкой магистрантов, чем убедить обучать 120 детишек в семестр.

Даже в теперешние, по-видимому, трудные времена администрации и сотрудники вузов, не занимающиеся преподаванием, процветают, как и недешевые факультативные мероприятия, которые они предлагают, — от упражнений на сплочение для первокурсников до междууниверситетских соревнований. Мысль понятна: никто не рассматривает обучение в классе как нечто первостепенное.

Означает ли это, что американские университеты в кризисе? Арум и Рокса отвечают «нет», поскольку студенты и их родители по-прежнему стремятся к обучению в колледжах и университетах и готовы платить, правительство и магистратуры продолжают принимать выпускников этих вузов, а корпорации — нанимать их (и тратить более 50 млрд долл. ежегодно на обучение своих работников нужным им навыкам). Но те, кто родился в обеспеченных и интеллигентных семьях, получают несоразмерно большую пользу от лучшего образования. Отучись в любом колледже — и будешь получать больше денег, чем получал бы без него. Но не жди, что получишь столько денег, сколько мог бы, если бы изучал прикладную математику в Стэнфорде. И никто не знает, долго ли еще семьи смогут и захотят платить в течение четырех лет за символическое, по большому счету, образование, которое неуклонно дорожает и теряет свое влияние.

Сейчас обсуждается множество предложений по реформированию системы, но большая их часть способна только усугубить положение. В Техасе, где дебаты о государственных университетах достигли наибольшего накала, высокооплачиваемые критики внятно заявляют: преподаватели вузов должны обучать больше студентов за меньшие деньги. Но существует только один способ

это осуществить: загнать еще больше студентов в огромные аудитории, т. е. окончательно лишить их возможности индивидуально общения с профессором, а менее многочисленные группы полностью доверить разоренным магистрантам и временным преподавателям. Такое обучение вряд ли вдохновит молодежь включить на досуге букридер и почитать. Мы, разумеется, не хотим добиться еще большей эффективности, чем нынешняя, отключив студентам головы. Онлайн-обучение, еще одна популярная идея, вполне может принести плоды — при том условии, что компетентный преподаватель будет находиться в Сети 24 часа в сутки, а это делает подобные курсы столь же дорогостоящими, как и обычные.

Как показали Уильям Боуэн и его соавторы в книге «За финишной чертой», есть сфера, в которой наша система терпит поражение даже более разгромное, чем в попытках пробудить в студентах интерес к научной работе. В недавней полемике по поводу бакалавриата, особенно в области гуманитарных наук, в качестве свидетельства безусловного провала приводились цифры отсева студентов — порядка 50%. Программы бакалавриата, бесспорно, требуют внимательного анализа и реформирования. Но их неуспех едва ли можно считать чем-то экстраординарным. Отсев в американской системе образования происходит на всех уровнях. В этом хитром агрегате протекают все клапаны. Менее 70% учащихся получают полное среднее образование. Только немногим более 70% выпускников школ поступают в какой-либо вуз. Лишь чуть более половины тех, кто начал обучение по программам бакалавриата, завершат его через шесть лет, и всего 30% тех, кто поступил в муниципальный колледж, выйдут из него через три года с дипломом младшего специалиста. Очевидно, что большинству студентов не удастся завершить образование.

Возьмем государственные университеты — подавляющее большинство мест по программам бакалавриата предлагают именно они. Лишь немногие из них — Университет штата Вирджиния, Университет Уильяма и Мэри, Беркли — выпускают 90% или более своих студентов каждые шесть лет. Примерно еще 15 вузов удерживают показатель выпускников за шесть лет на уровне 80% и выше. В остальных дела обстоят еще хуже. Ведущий университетский комплекс штата Нью-Джерси, Рутгерс/Нью-Брансуик, за четыре года выпускает 52% студентов, и за шесть лет — 77%. Ежегодно туда поступают 5835 человек. Через шесть лет 1342 студента из их числа не закончат обучение. В университетах Огайо, Индианы, Флориды и Айовы в каждой группе не завершают обучение сопоставимое число студентов.

В Университете штата Висконсин в Мэдисоне, исторически одном из великих государственных университетов Америки, через четыре года выпускаются только 48% студентов бакалавриата, хотя этот же показатель за шесть лет больше на 30%. Тем не менее это только верхушка айсберга, видимая над уровнем моря. В некоторых колледжах, в том числе в коммерческом секторе,

большинство бросают учебу задолго до выпускного. Америка, когда-то мировой лидер по уровню образованности населения, опустилась на 10-е место.

Прекращение учебы не всегда худший вариант: продолжение порой обходится дороже. Потому что вне зависимости от того, утратил студент интерес к учебе или потерял свое место в университете, он и его семья теперь в долгах как в шелках. В период великой экспансии конца 1950–1960-х годов резко увеличилось число американцев с дипломами колледжей и университетов. И работодатели стали чаще требовать такой диплом, даже если университет не готовил именно к той должности, на которую вы претендовали. Увеличился объем государственных инвестиций, они обеспечивали большую часть системы высшего образования. Поскольку штаты формировали университетские бюджеты в значительной степени за счет налоговых поступлений, плата за обучение в вузах оставалась низкой. Студенты могли занять скромную сумму для оплаты своей доли расходов на образование, подрабатывать на повседневные нужды — и по окончании вуза у них оставался совсем небольшой долг. Бросая учебу, они, конечно, сталкивались с финансовыми трудностями, но и это не становилось катастрофой, потому что речь шла опять-таки о небольших суммах.

Однако со времен революции Рейгана, как показал в своем всестороннем исследовании Калифорнийского университета Кристофер Ньюфилд, штаты все решительнее переносят бремя расходов на образование со своего собственного бюджета на бюджеты студентов и их семей. Университеты-лидеры в каждом штате удерживают свои цены ниже стоимости обучения в элитных частных колледжах, но они недешевы по любым другим стандартам. В Университете штата Мичиган первокурсник, постоянно проживающий в штате, должен выплатить в общей сложности 25 204 долл., а студент последнего курса — 26 810 долл. В Университете Пенсильвании первокурсник в текущем году выплачивает 25 416 долл. за обучение, услуги и проживание. Очень часто семейных сбережений, студенческих заработков и стипендий для этого недостаточно, и студентам и их родителям приходится брать кредит. В этом году студенты, занявшие деньги на учебу, а это две трети учащихся, к своему выпуску будут должны в среднем 33 798 долл., что в 2 раза превышает средний долг десять лет назад. Так что за четыре года беззаботной жизни в колледже слишком часто приходится расплачиваться десятью годами в долговой кабале.

Задолженность американцев по студенческим кредитам, как заметил недавно Малькольм Харрис, составляет сегодня почти 1 трлн долл. и превышает их задолженность по кредитным картам. Студенческий долг, объясняет он, «исключительно тяжелый. От него не избавляет банкротство, студенческие кредиты также не имеют срока аннулирования, и кредиторы могут наложить арест на зарплату должника, на выплаты по социальному страхованию

и даже на выплаты по безработице». Долговое бремя распределяется по принципу, обратному заповеди Матфея: тому, кто ничего не имеет, никто не подаст. Цветным студентам из необеспеченных семей приходится занимать больше. Они также меньше пользуются возможностями относительно дешевых федеральных программ Stafford и Parent Plus, возможно, потому что мало о них знают; они больше зависят от частных кредиторов, которых Данте поместил бы вместе со специалистами по кредитованию в нижнем круге ада.

И все это ради образования, которое, как мы уже видели, не приносит особой пользы многим из тех, кто идет на риск попасть в долговую тюрьму, лишь бы его оплатить. Но самая большая несправедливость заключается, конечно, в том, что бросившие университет должны выплачивать взятые кредиты, хотя, по всей вероятности, в трудные времена зарабатывают меньше и живут хуже, чем выпускники вузов. Тем не менее даже среди последних вырос уровень безработицы, как и уровень дефолта по студенческим кредитам.

Лопнет ли мыльный пузырь высшего образования? Не знаю. Серьезные авторы предостерегают от одностороннего подхода к оценкам. Боуэн и его коллеги, к примеру, анализируют влияние взятых на учебу кредитов на уровень отсева. Согласно их выводам, нельзя однозначно утверждать, что неуспех студентов объясняется главным образом долгами. Однако эти явления взаимосвязаны в жизни многих учащихся, если не в намерениях законодателей. Задумайтесь, что значит быть обычным студентом в наши дни. Вы хорошо, даже очень хорошо учились в школе. Но, придя в университет, вы понимаете, что у вас мало опыта в проведении исследований и написании научных работ, и вы плохо представляете, как ваши учебные курсы связаны с вашими дальнейшими планами. Вы начинаете учиться, уже будучи в долгах, и вам улыбается перспектива набрать еще больше. Чтобы заработать на повседневные расходы, вы устраиваетесь в супермаркет или закусочную. Живете вы в огромной убогой общаге или в хлипком многоквартирном доме за пределами кампуса, где частное пространство и уединение ограничиваются вашей комнатой с ванной. Преподавателей, как и культуру, вы наблюдаете с большого расстояния: с задних парт темной аудитории, переполненной вашими сверстниками, просматривающими ленту Facebook на своих ноутбуках.

Неудивительно, что в этих обстоятельствах многие студенты так никогда и не усваивают новые требования и стандарты университетского образования. Вместо этого они дрейфуют от курса к курсу, и заботят их только развлечения и халява на экзаменах. Также неудивительно, что многие оказываются не готовы к решению проблем, когда они возникают. Студенты слишком часто употребляют алкогольные напитки и курят марихуану, слишком много играют в компьютерные игры, разбивают машины, беременеют, получают психологические травмы, пытаются помочь соседке

по комнате, страдающей анорексией, и слишком часто теряют скромную, но совершенно необходимую поддержку родителей, когда те попадают под сокращение. Студенты постарше — а сейчас большинство студентов старше, чем мы привыкли видеть студентов университета, — часто вынуждены работать на полную ставку и заботиться о детях или родителях, или о тех и других сразу. Те, кто вероятнее всего столкнется с этими проблемами, не приучены с детства искать нить, ведущую сквозь бюрократические лабиринты. У них нет уверенности, что впереди их ждут открытая дверь и доброжелательный помощник или профессор, жаждущий им стать, и у них нет даже родителей, которые бы суетились вокруг них и пытались найти такого помощника.

К счастью, многие студенты не только выживают, но и закаляются в горниле этих проблем. Многие вузовские преподаватели и административные работники делают все от них зависящее, чтобы помочь студентам. Университетская культура, как и политика, существенно различается в разных регионах. Многие высшие школы в штатах испытывают трудности, как, например, школа «Аризона Стейтс», вокруг которой подняли столько шума. Но многим удается ограничить размеры классов и проследить за тем, чтобы преподаватели были заняты именно преподаванием. Судьба студентов, бросивших учебу, и выпускников вузов различается существенно, но это не разница между судьбой утонувших и спасшихся. Кто-то переходит в другой университет. Кто-то идет в армию, «прочищает мозги» и, возвратившись, благодаря закону о льготах демобилизованным заканчивает обучение; правда, слишком поздно, чтобы войти в статистику своего выпускного класса. Кто-то устраивается секретарем, чтобы прокормить детей, и получает диплом бакалавра и лучшую работу в зрелом возрасте. Но эти случаи — исключения из правила.

Зная все это, как можно оставаться снисходительным к этой системе? Система отчасти работает за счет своих недостатков. Административные работники рассчитывают на плату за обучение, вносимую из заемных средств студентами, которые, как им самим известно, будут исключены из вуза, прежде чем успеют воспользоваться многими из оплаченных услуг. Преподавание обеспечивается путем эксплуатации труда студентов магистратуры, многие из которых также уйдут и не потребуют себе должности. Преподаватели, получив место, часто становятся слепы к проблемам и глухи к жалобам своих собственных студентов, написавших под их руководством научную работу. И даже там, где есть желание менять что-то к лучшему, средства часто направляются на совершенно другие цели.

Наконец, во многих университетах второстепенные занятия вышли на первый план. Игровые виды спорта требуют огромных энергетических и денежных затрат, в то время как часть этих средств можно было бы потратить на улучшение условий обучения для студентов. Невозможно без боли смотреть на то, что сделала

погоня за футбольной славой с Рутгерсом, в котором множество первоклассных факультетов и который, учитывая, насколько богат штат Нью-Джерси, мог бы стать Беркли или Мичиганом Восточного побережья. Университет тратит 26,9 млн долл. в год, субсидируя спортивные программы. Между тем зарплаты преподавателей весьма невысоки, и надбавки отменены у всех поголовно. Из кабинетов историков убрали настольные телефоны. Ремонт отложили, и корпуса, используемые ежедневно с раннего утра до позднего вечера, стремительно ветшают.

На критические замечания о том, что не имеет смысла развивать футбол за счет преподавания, представитель администрации ответил: «Непосредственная поддержка спорта составляет только 1% бюджета Рутгерса». Видимо, он рассчитывал на неосведомленность читателей: в бюджете любой большой организации сумма текущих средств — за исключением тех, что вкладываются заранее, за несколько лет, — составляет не более 1–2%. Это значит, что на спортсменов ушли деньги, которые могли бы послужить совершенствованию основных видов деятельности университета. Кристофер Ньюфилд — не единственный здравомыслящий, информированный исследователь, который считает, что политические элиты сознательно ведут атаку на образование для среднего класса.

Может быть, это и не кризис. В конце концов, как отмечали многие обозреватели, «мы теперь так живем», и для исключений и надежды всегда есть место. И все-таки нельзя закрывать глаза на полчища студентов, которые покидают университеты, как наполеоновская армия — Россию: не вдохновленные учебными курсами, часто уязвленные своими собственными, как они считают, неудачами, отягощенные долгами. Быть может, кое-кому из авторов, пишущих об университетах, стоило бы перестать беспокоиться о питомцах Гарварда, Йеля и Принстона и озаботиться судьбой намного более многочисленных студентов, которые не могут окончить университеты Иллинойса и Западной Вирджинии, Вермонта и Техаса. И не менее полезно было бы, если бы увлеченные учителя вроде Энтони Кронмана, автора книги «Конец образования: почему наши колледжи и университеты отказались от поиска смысла жизни» (2007), недавно вышедшего полемического сочинения, направленного против коррупции в области гуманитарных наук, занялись анализом конкретной ситуации, в которой оказываются большинство американских студентов. Полемика о гибели гуманитарного знания, как бы эффектна она ни была, не исправит негуманность, с которой тысячи студентов сталкиваются, причем предсказуемо, из года в год.

Лучше всего было бы предприимчивым издателям найти пытливых авторов и поручить им подробно описать ряд университетов и колледжей со всеми их недостатками. Полемические книги, даже те, которые не назовешь беспредметными, сводятся обычно к поливанию кого-нибудь грязью — а это, как говаривал еще

Гекльберри Финн Тому Сойеру, не аргумент, — чем к изложению фактов. Эмпирические исследования, за очень редкими исключениями, сознательно пишутся в таких общих выражениях и таким блеклым языком, что никогда не найдут своего читателя, разве что среди специалистов. Человек разбирающийся, но не профессионал, например родитель или студент, член правления университета или попечитель, не способен изобразить живую картину жизни и работы в колледже или университете в течение года, какой она видится всем участникам процесса; и уж тем более не в состоянии доходчиво объяснить, как взаимосвязаны в академическом мире финансы и педагогика, дурные намерения и хороший результат.

Должно быть, забавно выкрикивать: «Читайте своих греков», — и разоблачать преступные сговоры. Но общественные дискуссии и внимательный анализ стали бы намного более продуктивными, если бы авторы, хорошо владеющие материалом, сумели передать структуру и вкус жизни в американском университете так же убедительно, как Томас Рикс, Ивэн Райт, Элизабет Самет и другие сделали это в области военной. Романисты давно разведали эту территорию. Где же талантливые журналисты? Они найдут добросовестных студентов и множество примеров упущенных возможностей и, возможно, сумеют понять, почему так происходит.